

Лёвина аномалия

Лев Наумов. «Под знаком Нейгауза».

М.: издание газеты

«Музыкальное обозрение», 2002 г.

Наталья ЗИМЯНИНА,
для «Новых Известий»

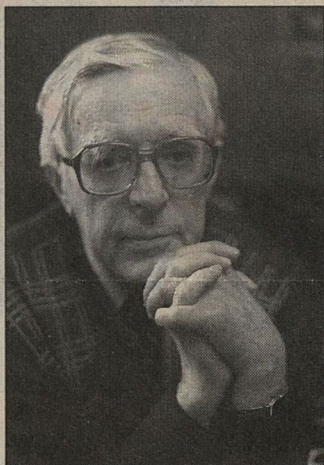
Десятки учеников профессора Московской консерватории Льва Наумова носят на голове невидимые миру лавровые венки: ведь они почти сплошь лауреаты международных конкурсов. Слава невидимая, зато хорошо слышимая: ученики Наумова — яркие индивидуальности, смелые в трактовке рутинных произведений, легко и свободно идущие в своей личной музыкантской правоте. И все это — от учителя.

Они не забывают всюду называть его имя. Но все же патологическая скромность Наумова препятствует его собственной популярности. Очень тому способствовало полное неумение профессора когтями и зубами драться за своих учеников. Ведь с размножением и дискредитацией конкурсов студенты и выпускники Московской консерватории тасовались на них со скоростью карт, мелькающих в руках опытного шулера. Многое зависит от того, насколько влиятелен и ловок член жюри на конкурсе, где выступает его ученик...

Скажем, конкурс Чайковского всегда обрастал с наумовскими учениками жестко: их, как правило, скидывали если не с первого, то со второго тура — чтоб не составляли конкуренции. (Исключением стало лишь выступление Андрея Гаврилова в 1974 году). Когда кто-нибудь говорит, что «Лёва (это прозвище Наумова среди студентов) не очень-то и переживал» за какого-то из своих учеников, я вспоминаю случай на одном из конкурсов Чайковского. Конечно, всех своих он всегда слушает, заодно и других, а потому можно было подкатиться к нему за интересным комментарием о ходе конкурса. Подхожу к ложе, где он сидит. Кажется, это был конкурс, на котором нагло завалили на первом же туре его ученика Андрея Диева, потом много лет проработавшего у него ассистентом, знаменитого ныне пианиста. «Да-да, — сказал рассеянно Наумов с той стороны балюстрады, — давайте поговорим...», и, занеся ногу в советской сандалиии над бархатом перил, стал вылезать из ложи... Больше его комментария мне запомнилось это невероятное волнение, которое, возможно, и лишает его бойцовских, пробивных качеств, столь востребованных большинством нынешних прагматичных студентов консерватории.

Все это к тому, что выход в свет книги «Под знаком Нейгауза» — событие, в которое трудно поверить. Могут позавидовать маленькой, хрупкой, но представляю теперь, какой волевой и настырной Кате Замоториной из газеты «Музыкальное обозрение», которая в течение года записывала свои беседы со Львом Николаевичем. Все эти жизненные и одновременно музыкальные истории — будто бесконечная сага, нечто эпическое, но произрастающее именно из отдельных сюжетов, неравнодушных рассказов.

Книга сразу захватывает непривычным своим тоном разговора. Большинство даже популярных изданий о музыке грешат таким жлобством, что скучны и профессионалу (редчайшее исключение — тоже недавно вышедший «Музыкальный запас» Татьяны Чередниченко). Такой доверительный тон привычен в переводных книгах, а у нас клас-

Лев Наумов.

Генрих Нейгауз. Съемка 30-х годов.

сическая музыка почему-то окутана поднебесной тайной (не потому ли, что бездари вообще любят дымку снобизма?).

Сколько в книге воспоминаний, сколько колоритных портретов! Учителей, соучеников, учеников собственных. Шебакин и Анатолий Александров, Юдина и Софроницкий, Рихтер и Нейгауз, десятки, десятки имен, живых лиц. Блистательные наумовские воспитанники, с которыми он дружен до сих пор (ведь от Лёвы не оторваться).

Какие детали! Генрих Нейгауз сидит в ложе и слушает последние сонаты Бетховена в исполнении Рихтера — и плачет. Или вот Гаврилов на конкурсе Чайковского — учитель и ученик в ожидании результатов: «И когда комиссия заседала, он купил нам пива, мы ходили по дворику вокруг памятника Чайковскому...». Хоть кино снимай.

Любители и ценители подлинной истории прочтут, как на самом деле происходили легендарные события. Как пережила консерватория постановление 1948 года, заклеившее выдающихся композиторов формалистами, как плакали студенты. Как шел Всесоюзный конкурс в 1945 году — единственный, где участвовал Рихтер и где он победил. Рихтер, кстати, оказывается, никак не мог получить диплом консерватории, потому что не в состоянии был сдать историю ВКП(б)...

Будут развеяны многие легенды, но очень тонко и необидно. Патриоты могут восстать против утверждения Наумова: «Русская школа — понятие эпическое... Школа была, пока гений жил, переживал, давал сок. А если у него не осталось достойных подражателей, то не стало и школы, наверное».

Это и скромное, и лукавое «наверное» характерно для Наумова. Вот уж кто никогда не давит на учеников — как всякий гениальный родитель. Потому из семьи вышли такие совершенно не похожие друг на друга столпы все-таки русской школы, как «бахист» Любимов и «хаотичный и дико талантливый» Гаврилов, «утонченный» Петрушанский и «горячий» Торадзе, «щемящий талант» Виардо и «строптивый необузданный» Султанов... Десяткам любимых учеников посвящены целые главы.

Вот что говорит выдающийся педагог: «Роль педагогики, я понял, не так уж велика, как о ней полагают». Хотелось бы посмотреть, кто еще из консерваторских профес-

соров, особенно из тех, что ходят с надутыми щеками, рискнул бы такое заявить.

В этой исключительно важной главе все ученики делятся на бездарных, средних и способных. И у хорошего хозяина в доме ничего не пропадает. Из бездарных Наумов делает «мыльные пузыри» (это значит «обмануть себя, и музыку, и всех»). Средняки, по его мнению, «нуждаются в хорошей дрессировке». А способных, включая талантливых, «учить не надо или почти не надо... Более того, иногда они приносили мне больше пользы, чем я им».

А сколь же живо, будто о своих современниках, пишет Наумов о Бахе и Шопене, Брамсе и Чайковском, Скрябине и Моцарте. То, что многие педагоги, будто собаки на сене, держат про себя, как заветные тайны. Прочтешь наумовское: «Рихтер оцепенелость превратил в краску» — и пользы больше, чем у кого-нибудь на уроке два часа проторчать.